

НЕИЗДАННЫЙ РАССКАЗ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ИГРУШЕЧКА»

Предисловие и публикация Т. С. Карской

Лескова, как и многих русских писателей, волновала судьба подрастающего поколения, его физическая и нравственная готовность к суровым испытаниям в жизни. Свообразное миропонимание писателя сказалось на трактовке им и этого вопроса. Мысли Лескова о воспитании были столь устойчивы, столь постоянны, что если собрать воедино такие факты, как многолетняя его работа в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа, сотрудничество в детских журналах «Игрушечка» и «Задушевное слово», где были опубликованы его рассказы «Христос в гостях у мужика» (1881), «Неразменный рубль» (1883), «Отцовский завет» (1886), «Лев старца Герасима» (1883), «Коза» (1890), «Дурачок» (1891) и другие, его неоднократные суждения на тему воспитания в статьях и письмах, наконец, устные высказывания писателя, дошедшие до нас в мемуарной литературе, — становится возможным осмысление его взглядов на воспитание молодого поколения в достаточно определенной системе¹.

Заметное место в документальном обосновании этой системы может занять небольшой рассказ (или очерк) писателя «Добрая мать по пифагорейским понятиям». Автограф его хранится в личном фонде А. Н. Пешковой-Толиверовой вместе с многочисленными письмами и записками Лескова к писательнице, которой он нередко оказывал помощь в литературной работе². Рукопись представляет собой около двух с половиной страниц убористого письма с обильными авторскими исправлениями и вставками. Заглавие и вступительная часть написаны дважды — второй раз поверх зачеркнутого первого варианта. Внизу подпись: Николай Лесков. Дата отсутствует. Судя по первому (зачеркнутому) варианту вступления, рассказ предназначался для детского журнала «Игрушечка», основанного в 1880 г. Т. П. Пасек. Лесков был связан с этим журналом со времени его основания и вплоть до последних дней своей жизни.

Решающее значение для датировки рассказа приобретает качество бумаги, которую использовал писатель. Обследование архивных фондов Лескова в Москве и Ленинграде позволило прийти к заключению, что очерк был написан в начале 1880-х годов, не позднее 1883 г. Именно в этот промежуток времени на точно таких же двойных листах хорошо проклеенной голубоватой бумаги, в прямоугольную клеточку, с отогнутыми широкими (75 мм) полями, густыми черными чернилами были написаны Лесковым «Разговор с пьяным» и «Соколий перелет. Повесть лет временных. Роман. Часть первая, книга вторая. Бойцы и выжидатели»³, помеченные самим автором — первое произведение 1881 г., второе — 1883 г. Половинки и четвертушки таких же листов в 1880—1883 гг. послужили Лескову для писем и записок И. С. Аксакову⁴, А. С. Суворину⁵, С. Н. Терпигореву⁶, А. Н. Якоби (Пешковой-Толиверовой)⁷. Позже 1883 г. автографы писателя на подобной бумаге не обнаружены.

Центральная часть рассказа представляет собой приспособленную для детского чтения обработку письма «пифагорейки Феаны» о воспитании молодого поколения. Разыскания позволили установить, что это письмо Лесков извлек из выпшедшей в 1817 г. в Москве книги «Пифагорейские жены» — второго издания (в России) перевода сочинения К. М. Виланда «Die Pythagorischen Frauen» (1790)⁸. Этот перевод был осуществлен С. Нечаевым⁹. Другой, более ранний перевод этой же книги был сделан Я. Дружининым¹⁰.

Лесков воспользовался именно нечаевской работой. Об этом свидетельствует прежде всего написание имен собственных. Так, если Дружинин по византийско-сла-

вянской традиции пишет: Феано и Эввула, то у Лескова, как и у Нечаева, несомненно знакомого с латино-европейской орфоэпией, адресат письма носит имя Эвбула, а имя Феано русифицировано — Феана. О том же говорят и иные сопоставления. У Дружинина начало письма звучит так: «Я слышу, что ты, желая быть доброй матерью, воспитываешь детей своих с лишнею негою» (с. 52), а у Нечаева: «Я слышу, что ты воспитываешь своих детей слишком нежно. Твое желание быть доброй матерью...» (с. 22). У Лескова: «Я слышу, что ты воспитываешь своих детей нежно... Конечно, ты хочешь быть доброй матерью». От Нечаева Лесков заимствует и выражение «рабы страстей» (с. 23 и 25), в то время как у Дружинина — «раболепство страстей» (с. 55). Примеры легко умножить.

Как сказано, Лесков несколько преобразовал текст. Он устранил длинноты, осовременил язык, снял «не детское»¹¹, например, фразы: «обуздание чувственных вожделений» (с. 22), «прелесть чувственного наслаждения» (там же), «воспитываешь сыновей своих точно как маленьких Сарданапалов» (с. 2). Устранил писатель и малоудачный заключительный пример, где избалованные дети уподобляются винограду, «который, напитавшись худых соков, непременно худые производит грозды» (с. 26). Под умелым пером Лескова вещь зазвучала острее, энергичнее.

И все-таки рассказу не суждено было увидеть свет. Он разделил судьбу произведений, забытых самим писателем. Возможно, что Лесков усомнился в подлинности облюбванного им материала, узнав в какой-то момент о склонности Виланда к литературным мистификациям. Но вероятнее всего, главную роль сыграли расхождения взглядов на воспитание между ним и издательницей «Игрушечки» Т. П. Пассек. Отголоски их разномыслия обнаруживаются в переписке Лескова. Проникли они и в написанный им некролог Т. П. Пассек:

«С педагогией же она (Т. П. Пассек. — Т. К.) была совершенно незнакома и притом ей не верила. Она говорила: Какая педагогия! Это пустяки! Воспитывать надо любовью. С ней иногда спорили и ей доказывали, что деревце нужно не только оканывать и поливать, но что нужно освобождать и от глушащих теней, и подвязывать, и обрезать кривые и несвоевременные поросли, но все это было напрасно. В воспитательных взглядах она была «бабушка-баловница», и ее детский журнал вовсе не осветил, чем отличается драгоценное чувство нежности от вредноснейшего по своим последствиям баловства, которое у нас замещает нежность и плодит бессилие и безволие характеров даже в самых счастливо одаренных натурах»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопрос о педагогических взглядах Лескова не получили еще должного отражения в научной литературе. Один только А. Н. Лесков затронул эту тему, но тогда же оставил ее, смущенный, как ему показалось, противоречивостью взглядов отца. «А в общем — сбивчивость, противоречия, — писал он. — Как во всем этом разобраться и что из всего этого изнести, воспринять к разумению, к применению в жизни?» (*Жизнь Лескова*, с. 499).

² ИРЛИ, ф. 227, № 62, л. 159—160.

³ ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1—3; там же, ед. хр. 15.

⁴ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, л. 53—58, 61—62, 67—72.

⁵ Там же, ф. 268, № 131, л. 41—42, 46.

⁶ Там же, ф. 308, № 23, л. 1, 2.

⁷ Там же, ф. 227, № 62, л. 23—24.

⁸ По словам Виланда, в основу его труда было положено собрание античных документов, изданное в 1499 г. в Венеции. Из семи писем, приписываемых легендой Феано — предполагаемой жене и последовательнице знаменитого греческого философа Пифагора (ок. 580—500 г. до н. э.), Виланд использовал только три, непосредственно связанные с темой нравственного усовершенствования личности, достоверность которых не вызывала у него сомнения.

⁹ Пифагорейские жены. Сочинение Виланда. Перевод С. Нечаева. М., 1817.

¹⁰ Пифагоровы ученицы. Из сочинений Г. Виланда. Перевод с немецкого «Якова Дружинина». СПб., 1797.

¹¹ Слова Лескова, сказанные им по поводу переделок литературных текстов для детских изданий. См. письмо к А. Н. Якоби от 28 июня 1883 г. (ИРЛИ, ф. 227, № 62, л. 23).

¹² Николай Л е с к о в. Литературная бабушка (Татьяна Петровна Пассек). — «Всемирная иллюстрация», 1889, т. XII, № 15, с. 266. Курсив Н. С. Лескова.

ДОБРАЯ МАТЬ ПО ПИФАГОРЕЙСКИМ ПОНЯТИЯМ

Добрая мать — есть высшее счастье, какое дается на земле человеку, но дитя не всегда в силах оценить доброты своей матери. Точно так же взрослые не все к этому способны. Нежность и чувствительность часто принимают за доброту, тогда как доброта гораздо выше, она есть сознательное стремление сделать дитя счастливым не в текущую минуту, а в долготу дней всей его предстоящей жизни. Такие матери многим кажутся суровыми и недобрыми, тогда как их-то доброта и дает воспитание, способное сделать человека счастливым.

Образцом материнского благоразумия и доброты считают одну из пифагорейских женщин Феану, от которой сохранилось письмо, высказывающее ее взгляды на воспитание. Я предлагаю вам его прочесть в надежде, что это поможет вам понять, почему истинно добрая мать не может и не должна потворствовать детским слабостям.

Вот что писала Феана к приятельнице своей Эвбуле *:

«Я слышу, что ты воспитываешь своих детей нежно и не радуюсь этому. Конечно, ты хочешь быть доброй матерью, но добрая мать не та, которая приучает детей к приятностям жизни. Их очень немного, и привычка к ним с детства обратится в пагубу. Добрая мать должна обуздать в детях это стремление и не дозволить развиваться в них жажде наслаждений. Иначе они будут несчастны, и ты будешь несчастна, потому что мать, которая воспитывает рабов страстей, непременно выпьет чашу горечи, видя их рабство. Учи детей воздерживаться от всякого своеволия. Кто не умеет повиноваться, тот никогда не будет в состоянии управлять собою. Не портить детей баловством и потворством. Пусть они живут просто и питаются простою здоровою пищею. Дети простых людей обнаруживают больше характера и терпения, а в этом заключается сила, нужная для перенесения неизбежных в жизни бедствий. Пусть дети наши научаются сносить клеветы и насмешки; пусть они знают, что труд тяжел и горек, но при всем этом пусть они любят труд и презируют праздность. Для этого никогда не будь сама без дела и не произноси слова «скука». Только такое воспитание образует сильные характеры: оно для детских дум есть то же самое, что квасцовая вода для тканей, которые хотят окрасить в драгоценный пурпур. Чем лучше эти ткани напитываются приготовительною влагою, тем легче в них войдет цвет добродетели, тем ярче и огнистее засверкает пурпур».

Таково мнение истинно доброй матери, которая прославилась «добрым хозяйством и умной любовью к семье». Вспомните ее, когда вас огорчает какое-нибудь запрещение и утешьтесь тем, что оно нужно для вашего будущего счастья.

Лучшего желанья на наступающий Новый год вам я сказать не умею.

Николай Лесков

* Первоначальный текст вступления: Так как «Игрушечку» читают не самые маленькие дети и притом ее нередко пробегают родители и воспитатели детей, то, может быть, уместно будет привести в ней несколько слов о воспитании, слов, сказанных уважаемой женщиной в древности.

У нас очень часто нарекают на школу за то, что она не воспитывает характеров, а школа винит в том же самом семью, и, по правде сказать, семья в этом более виновата, чем школа, куда дети приходят уже с известной заправкой.

Старое время, конечно, не следует считать лучшим временем во всех отношениях, но недостойно отвращать глаза от того, что дало заведомо добрые плоды в прошлом. К числу таких примеров следует причислить образец воспитания у пифагорейских женщин, которые были женами мудрецов и матерями сильных духов.

Воспроизводим для этого из забвения письмо Феаны к Эвбуле: